

0-734608

На правах рукописи

ПЕТУХОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРИАНОВИЧ

**Восточная политика России в середине XVI в.
в англо-американской историографии**

Специальность 07.00.09. - Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань - 2003

Работа выполнена на кафедре отечественной истории и права
Чувашского государственного педагогического университета

Научный руководитель - доктор исторических наук,
профессор **Гончаренко Л.Н.**

Официальные оппоненты — член-корреспондент РАН, доктор
исторических наук, профессор
Каштанов СМ.,
кандидат исторических наук,
доцент **Мустафина Д.А.**

Ведущая организация - Институт Истории Академии Наук
Республики Татарстан

14

Защита состоится **19 июня 2003 г.** в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д.212.081.01. при Казанском государст-
венном университете по адресу: **420008, г. Казань, ул. Кремлев-**
ская, д. 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.
Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан "16" мая 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат исторических наук,
доцент

Кашафугдинов Р.Г.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование научных представлений о России за рубежом является одной из актуальных проблем современной исторической науки. Насущная потребность изучения данной тематики обусловлена объективным процессом все возрастающей интернационализации науки, а также необходимостью преодоления крайностей в отношении к зарубежной историографии. Если в советский период основные усилия отечественной исторической науки были в значительной мере направлены на опровержение трактовок российской истории, созданных зарубежной историографией, то сегодня те взгляды и концепции западных исследователей, которые совсем еще недавно подвергались сокрушительной критике, нередко априори воспринимаются как непреложная истина. В связи с этим проблема изучения теоретико-методологических позиций западной историографии и ее взглядов по конкретным проблемам истории России стоит сегодня по-прежнему остро.

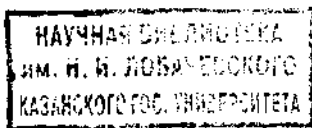
Одну из таких проблем представляет собой российская восточная политика в середине XVI в., успехи которой привели к присоединению к России обширного региона с нерусским и нехристианским населением и сыграли важнейшую роль в процессе ее становления как неоднородного в этническом и конфессио-нальном плане государства. Теоретическое осмысление восточной политики России в середине XVI в., ее предпосылок, характера и последствий, приобретает особую актуальность в современных условиях, когда происходит выработка подходов к решению острых проблем национальной политики. Причем несомненную пользу такому осмыслению должен принести учет «взгляда со стороны», с позиции западной, в частности англо-американской, историографии.

Объектом исследования диссертации является англо-американская историография восточной политики России в середине XVI в. Под «англо-американской историографией» в данном случае понимаются как работы собственно исследователей США и Великобритании, так и работы авторов, тесно связанных с научными центрами этих стран. При этом критериями дня выделения США и Великобритании в качестве единого поля для прове-

дения историографического исследования наряду с единой языковой принадлежностью послужили нахождение в данных странах ведущих научных центров по изучению истории средневековой России и ее внешней политики, существование здесь глубоких традиций исследования российской истории, тесная взаимосвязь национальных историографии двух стран.

Предметом исследования являются концепции и представления о восточной политике России в середине XVI в., содержащиеся в монографиях и статьях англо-американских авторов. Под «восточной политикой России в середине XVI в.» в диссертации понимаются государственные взаимоотношения России со своими восточными соседями - Казанским и Астраханским ханствами, а также российская политика в Поволжье в конце 40-50-х гг. XVI в. Необходимо отметить, что российское завоевание Казанского и Астраханского ханств, начало которому было положено казанскими походами Ивана IV в конце 40-х гг. XVI в., а завершение необходимо связать с подавлением освободительной борьбы народов Поволжья и формированием основ управления и правительственной политики в крае в конце 50-х гг. XVI в., занимает особое место в истории Российского государства и народов Поволжья. Оно представляет собой самостоятельный этап в истории восточной политики России, что нашло свое отражение и в англо-американской историографии.

Хронологические рамки исследования. Рассматриваемая в диссертации англо-американская историография относится к периоду с 40-х гг. XX в. и до 2001 г. включительно. Выбор данных хронологических рамок определен состоянием англо-американской историографии восточной политики России в середине XVI в. При этом выбор 40-х гг. XX в. обусловлен тем, что по сути именно с этого времени можно говорить о начале научного осмысления восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской исторической науке. В этот период меняется статус СССР на мировой арене, что вызвало мощный всплеск интереса к России и ее истории в западном обществе. При этом господствовавшая в первое послевоенное десятилетие в англо-американском руссификации доктрина тоталитаризма способствовала росту интереса к истокам советского тоталитарного государства и его внешней политики, которые западные ученые нахо-

дили в «деспотии» Ивана IV и российской восточной политике в середине XVI в.¹ В результате именно в 40-е гг. XX в. в англо-американской историографии появляются важные работы, посвященные вопросам восточной политики России в середине XVI в.

Рубеж XX-XXI вв. в свою очередь определяются возникновением новой общественно-политической и научной ситуации в англо-американском россиеведении, что отразилось на исследовании проблемы восточной политики России в середине XVI в. Распад СССР и окончание «холодной войны» способствовали превращению англо-американского россиеведения в рядовую отрасль всемирной истории. Однако, несмотря на общую тенденцию сокращения объема исследований русской истории на Западе, изучение восточной политики России в середине XVI в. сохраняет свою актуальность. Она связана с выходом на первый план в англо-американской историографии вопросов изучения империи, истории нерусских национальностей и нерусских регионов России, что отражается в целом ряде англо-американских работ последних лет, рассматривающих восточную политику России в середине XVI в. в этом аспекте. Данное обстоятельство не позволяет игнорировать современный период в развитии англо-американской историографии, что и обусловило выбор 2001 г. в качестве конечной хронологической рамки исследования.

Степень изученности темы. Англо-американская историография восточной политики России в середине XVI в. не становилась в целом предметом специального монографического изучения. Определенное внимание данной теме уделено в отечественной историографии советского периода.

Рост внимания советской исторической науки к англо-американской историографии истории средневековой России наблюдается на рубеже 50-60-х гг. Его отражением стало появление в этот период ряда рецензий, статей и сборников, в которых критически рассматривались позиции англо-американских исследователей в отношении истории феодальной России, анализировались организационные основы изучения российской истории за

¹ См. Филюшкин АИ. Современная западная историография об истоках российского тоталитаризма // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20-80-е гг. XX в.). - Харьков, 1994. - 4. 1. - С.187-192.

рубежом.² В некоторых из этих работ поднималась и проблема освещения восточной политики России в середине XVI в. в англо-американских исследованиях.

Так, в сборнике «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма» была помещена статья Л.В. Даниловой, в которой рассматривалось освещение историками США истории Русского централизованного государства.³ В данной статье анализировались взгляды ведущих американских специалистов по российской истории (Г.В. Вернадского, М.Т. Флоринского, Р. Кернера и др.), отмечался большой интерес зарубежных историков к политической истории Руси XIV-XVI вв. и ее внешней политике на восточном направлении. При этом указывалось, что данной проблемой «занимаются наиболее реакционные, воинственно настроенные по отношению к нашей стране и коммунизму историки», чьи исторические взгляды были подвергнуты критике за «тенденциозность», «антиисторичность», «отсутствие классового подхода».⁴

Наряду с подобными работами, посвященными критике «буржуазных» концепций российской истории, вопросы изучения зарубежными учеными восточной политики Российского государства в середине XVI в. частично затрагивались в историографических обзорах, помещенных в трудах советских историков, посвященных истории внешней политики России.⁵

Вопросы освещения политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии были исследованы в статье А.М. Некрасова⁶ В данной работе автор проанализировал некоторые общие курсы россий-

² Кузьмина В.Д., Хорошкевич А.Л. Ред. на: Obolensky D. Russia's Byzantine Heritage // История СССР. - 1958. - №1 - С.210-211; Данилова Л.В. Русское средневековье в современной историографии США // Вопросы истории. - 1961. - №3. - С.63-91.; Игрицкий Ю.И., Плимак Е.Г. Питомник клеветников: (Русский исследовательский центр в Гарварде) // История СССР. - 1961. - №5. - С. 192-219.; Изучение истории феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период / Под ред. Г.А. Некрасова. - М., 1962. - 140 с; Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. - М, 1962. - 430 с; Сянищина Н.В. Изучение в Англии истории феодальной России // Вопросы истории. - 1968. - №4. - С.183-195.; Сахаров А.М. О некоторых приемах искажения средневековой истории России в зарубежной исторической науке // Вестник МГУ. - Сер.8. - История. - 1969. - №4. - С.11-21 и др.

³ Данилова Л.В. Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. - М., 1962. - С.234-279.

⁴ Там же. - С.272.

⁵ См., например. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV - XVI вв. - М., 1963. - С.5-10.

⁶ Некрасов А.М. Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. зарубежной историографии // История СССР. - 1983. - №1. - С.195-202.

ской истории и труды по истории российской внешней политики, выпущенные в США и Великобритании, и дал характеристику взглядов ряда англо-американских историков (Э. Доннелли, Дж. Харрисона, Дж. Ланцева, Я. Пеленски) на восточную политику России в середине XVI в. В результате А.Н. Некрасовым был сделан вывод об общности подхода англо-американских историков к проблеме российского завоевания Казанского и Астраханского ханств, его предвзятости, антисоветской направленности, игнорировании ими реальных исторических фактов. В тех же случаях, когда автор констатирует хорошее знание первоисточников и историографии, критика сосредотачивается на «преимущественном интересе англо-американской исторической науки к вопросам идеологии, политики в ущерб социально-экономическим проблемам».⁷

Особое место в рамках советской историографии занимают работы, посвященные истории нерусских народов Поволжья и Урала, их развитию в составе Российского государства и СССР.⁸ В большинстве этих работ рассмотрение западной литературы носит пропагандистский характер. Острые критики их авторов было направлено на тезисы об агрессивности и захватническом характере восточной политики Российского государства в середине XVI в. и ее преемственности с политикой СССР, враждебности отношений между русским народом и народами региона. На основании этих тезисов нередко делался вывод об антирусской направленности зарубежной историографии, руководстве ее представителей политическими, конъюнктурными соображениями, их сознательном стремлении сфальсифицировать историю России и превратить ее в средство идеологической борьбы против советского строя.

⁷ Некрасов А.М. Указ. соч. - С.196.

⁸ Абдуллин М.А. История образования Башкирской АССР в современной буржуазной историографии // История СССР. - 1972. - № 6. - С.194-205.; Он же. Буржуазные фальсификации истории образования советских автономных республик Поволжья и Урала // Вопросы истории. - 1980. - № 12. - С.43-56.; Он же. Сражающаяся правда. (Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала). - Казань, 1985. - 160 с; Абдуллин М.И., Батыев С.Г. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. - Казань, 1977. - 199 с; Любимов В.Н. Критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа // Труды НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР. - Вып.73. - Чебоксары, 1977. - С.122-128.; Прохоров В.П., Сергеев С.В. Образование СССР и национальные отношения в советском обществе в освещении буржуазной историографии 1970-х гг. // История СССР. - 1982. - № 6. - С.179-190. и др.

В конце 80-х гг. происходит изменение позиции отечественной историографии по отношению к западным исследователям. В частности, при характеристике их работ речь уже не шла о фальсификации, говорилось о стремлении к объективности как важной тенденции развития западной историографии, признавалась научная ценность положений и выводов последней.⁹ Однако при этом подход отечественной историографии базировался на прежних теоретико-методологических основах.

Показательна в данном случае вышедшая в 1989 г. работа Л.Г. Филатова и В.А. Юрченкова «Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа».¹⁰ Авторы дают представление о подходах западных (в том числе и англо-американских) исследователей к проблеме включения мордвы в состав России, хронологических рамках этого процесса, характере отношений русского и мордовского народов. Работа является значительным вкладом в исследование зарубежной историографии истории национальных регионов России, однако оценка последней производится только с позиции марксизма-ленинизма как единственно правильного и прогрессивного учения.

На современном этапе зарубежные исследования по российской истории становятся объектом все более пристального внимания отечественных историков, которые все чаще делают попытки определить справедливость сложившихся в советский период представлений о зарубежной историографии, выделить в ее составе различные позиции, провести глубокий сравнительный анализ взглядов отечественной и зарубежной исторической науки. В последние годы появился и ряд работ, рассматривающих изучение за рубежом восточной политики России и истории ее восточных регионов.¹¹ Однако в целом исследования, анализи-

⁹ См., например, Гудаков В.В. Северное Причерноморье и Поволжье XII-XVI вв. (по материалам некоторых исторических журналов, издающихся на Западе) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. - Ростов-на-Дону, 1989. - С.5-9; Балашов В.А., Лузпш А.С. Дореволюционная мордва в оценках немарксистских историков Запада // Вестник Мордовского университета. - 1990. - №4. - С.63-64.

¹⁰ Филатов Л.Г., Юрченков В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. - Саранск, 1989. - 240 с.

¹¹ Чернавская В.Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII - XVIII вв.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. - 1994. - №5-6. - С.195-202.; Лаптева Е.В. Американская советология и исследования Урало-алтайского региона в США

рующие зарубежную историографию российской истории, в том числе и истории восточной политики России в середине XVI в., без сомнения нельзя признать исчерпывающими.

Вопросы изучения англо-американскими учеными восточной политики Российского государства в середине XVI в. практически не исследованы в зарубежной историографии. Вместе с тем известное значение имеют историографические произведения ряда представителей западной исторической науки, в которых нашли отражение некоторые вопросы освещения в советской и зарубежной литературе российской восточной политики.¹²

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертации является характеристика исследований англо-американских ученых, написанных и опубликованных за последние шестьдесят лет и посвященных разработке проблем восточной политики Российского государства в середине XVI в. В соответствии с данной целью исследования были сформулированы его основные задачи:

- выявить и проанализировать теоретико-методологические подходы англо-американских историков к исследованию восточной политики России в середине XVI в.;
- дать представление об основных позициях англо-американской историографии по проблеме факторов восточной политики России в середине XVI в.;
- проанализировать освещение событий, связанных с завоеванием Казанского и Астраханского ханств Россией в трудах английских и американских историков;
- рассмотреть взгляды англо-американской исторической науки по вопросу о начале становления России как многонационального государства имперского типа;

11 Страницы истории Урала. - Пермь, 1998. - Вып.3. - С. 117-122.; Музраева Е.Ш. Изучение истории Калмыкии в США // *Americana*. - Волгоград, 1998. - Вып.2. - С.174-178.

12 Вуд А. Изучение Сибири в Великобритании и на Западе // *Известия Сибирского отделения АН СССР. - История, филология, философия*. - 1992. - Вып. 1. - С.60-63.; Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет* / Сост. М. Дэвид-Фокс. - Самара, 2000. - С.5-47; Малиа М. Клио под надзором (Россия в американской историографии) // *Родина*. - 1997. - №1. - С.68-74.; Рибер А. Изучение истории России в США // *Исторические записки*. - М, 2000. - С.65-105.; Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. - Chapel Hill, 1969; Collins D. Russia's Conquest of Siberia: Evolving Russian and Soviet Historical Interpretation // *European Studies Review*. - 1982. - Vol.12. - N1. - P. 18-43.; Rieber A. The Historiography of Imperial Russian Foreign Policy: A Critical Survey // *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed by H. Ragsdale. - Cambridge, 1993. - P.360-443.

- проследить эволюцию англо-американской историографии восточной политики России в середине XVI в. в 40-90-х гг. XX в.

Методологические основы исследования. Основными научными принципами исследования являлись объективность и историзм. Объективность обеспечивалась рассмотрением англо-американской историографии восточной политики России в середине XVI в. во всем ее многообразии. Автор стремился показать как общность, так и различия в подходах зарубежных авторов к трактовке отдельных вопросов. Историзм нашел отражение, главным образом, в анализе западной историографии в развитии и взаимосвязи ее отдельных направлений. Проблема рассмотрена системно, были применены историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы.

Источниковую базу диссертации составила англо-американская научная литература, имеющая отношение к проблеме восточной политики России в середине XVI в. В ее составе можно выделить следующие основные группы: 1) обобщающие труды по российской истории в целом; 2) работы, посвященные истории внешней политики России, рассматривающие в той или иной степени и российскую восточную политику в середине XVI в.; 3) труды, рассматривающие историю России как историю государства имперского типа; 4) работы, посвященные истории отдельных народов и регионов России; 5) отдельные монографии и статьи, посвященные различным аспектам восточной политики России в середине XVI в.

Научная новизна диссертации определяется постановкой проблемы: впервые в отечественной и зарубежной исторической науке предпринята попытка провести комплексное исследование англо-американской историографии восточной политики Российского государства в середине XVI в. на основании максимально полного объема привлеченного материала.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании курса историографии истории России, а также при преподавании региональной истории, при чтении спецкурсов, на практических занятиях, при написании соответствующих разделов учебных пособий и учебников, при разработке сложных проблем в области

истории становления России как полиэтнического и поликонфессионального государства.

Научная апробация. Материалы исследования нашли отражение в публикациях автора, докладах на региональных научных конференциях: «Личность в истории» (г. Чебоксары, 19-20 апреля 2002 г.), «Власть и общество» (г. Чебоксары, 18-19 апреля 2003 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее изученности, обозначаются объект и предмет исследования, хронологические рамки, характеризуется источниковая база, определяются цель, задачи и методология исследования.

В Главе 1, «Теоретико-методологические основы исследования восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской историографии», анализируются концепции, составившие основу изучения российской восточной политики в середине XVI в. в англо-американской исторической науке, характеризуются ее источниковая база и подходы к своим источниковым материалам. Глава состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются англо-американские геополитические концепции конца XIX — начала XX вв. и их роль в исследовании восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской историографии. Отмечается, что геополитические концепции Х. Маккиндера и А. Мэхэна возникли как реакция на экономический и территориальный рост России на основе положений германской географической школы (К. Риттер, Ф. Ратцель), ставившей развитие государства в прямую зависимость от его географического расположения и уподоблявшей его территориальную экспансию росту живого организма. Влияние «органических» идей о государстве особенно ярко прослеживается в теории английского ученого Х. Маккиндера, рассматривавшего Северную Евразию в качестве «географической оси исто-

рии», контроль над которой дает России возможности для установления своего господства над всем миром.

Положения геополитики рубежа XIX-XX вв. нашли свое применение в англо-американской историографии в период «холодной войны» в ходе осмысления истоков советской экспансии. В результате в работах ряда англо-американских историков (О. Галецкий, В. Бачковский, М. Ривкин и др.) была выдвинута концепция «русской имперской экспансии», обусловленной открытостью пространств Северной Евразии и направленной на достижение «естественных» границ России, установленных природой. Российская история рассматривалась как история непрерывной экспансии, истоки которой англо-американские авторы находили уже в самом факте расселения славян на Восточно-европейской равнине. Восточная политика России в середине XVI в. интерпретировалась как первое яркое проявление этой экспансии, ознаменовавшее собой начало проникновения «русского империализма» в Азию.

Специфическая цель этой группы авторов - описание основных событий «русской экспансии» - обусловила их источниковую базу и отношение к источникам. Не являясь в большинстве своем специалистами по истории России XVI в., данные историки опирались преимущественно на вторичные источники, в качестве которых выступили отечественные дореволюционные и советские исследования. При этом если на уровне конкретного исследования темы данные англо-американские авторы, как правило, высоко оценивают достижения советских историков, то на теоретико-методологическом уровне работы последних подвергаются критике.

Во втором параграфе прослеживается влияние традиций отечественной историографии на исследование восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской исторической науке. Развитие русистологии в США и Великобритании не может быть представлено без учета наследия российской исторической науки, влияние которой осуществлялось как через труды представителей отечественной исторической мысли, так и через научно-преподавательскую деятельность российских историков-эмигрантов. В плане изучения восточной политики России в середине XVI в. особенно значительным было влияние трудов

классиков русской историографии - С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, а также Г.В. Вернадского, сыгравшего ключевую роль в становлении руссиеведения в англоязычных странах в целом.

Сложившееся в российской историографии XIX - начала XX в. представление о зависимости российского исторического процесса от природно-географических условий страны приобрело законченную форму в работах евразийцев, прежде всего Г.В. Вернадского, в виде теории «месторазвития». В рамках данной теории история России представляла как «предзаданный» географией страны процесс освоения русскими Евразии и создания евразийского государства. В контексте этого процесса рассматривалась и восточная политика России в середине XVI в., успехи которой, по Вернадскому, заложили основание Русской евразийской империи.

Мысли российских историков о значении «однообразия» географического пространства России для ее истории, роли рек в определении направлений русской экспансии, борьбе «леса» и «степи», колонизации как основном факте российской истории были заимствованы и развиты в работах по истории России 40-60-х гг. XX в. Р. Кернера, Б. Самнера, Н. Рязановского, М. Рена и других авторов. В частности, Р. Кернер считал движущей силой русской экспансии обусловленное географией страны и изначально присущее русскому народу «стремление к морю» и рассматривал восточную политику России в середине XVI в. в связи с необходимостью овладения бассейном Волги и достижения выхода к Каспийскому морю. На основе концепции «стремления к морю» Кернера сформировалось целое направление североамериканских исследователей восточной экспансии России, связанных с Калифорнийским университетом (Дж. Ланцев, Р. Фишер, Дж. Харрисон, Р. Пирс, Э. Доннелли), в 40 - начале 70-х гг. XX в. внесших важный вклад в исследование российской восточной политики в середине XVI в. в англо-американской историографии.

Третий параграф посвящен изучению в англо-американской историографии восточной политики России в середине XVI в. в рамках теории «движущейся границы», созданной на рубеже XIX-XX вв. американским историком Ф. Дж. Тернером на материале истории США. Данная теория подчеркивала существование

в североамериканской истории пограничных зон («фронтира»), в которых под влиянием окружающей среды образовывался особый уклад общественной жизни, оказывавший формирующее влияние на весь процесс развития государства. В истории США такой зоной была западная граница, обусловившая демократический характер американской государственности.

В 70-е гг. XX в. на основе «теории границы» американским историком Дж. Вечински была выработана концепция средневековой российской истории, согласно которой русская колонизация в южном и восточном направлениях привела к появлению у России своего «фронтира» и противостоянию Российского государства со своей границей и складывавшимся здесь «пограничным духом» свободы и примитивной демократии. Успехи российской восточной политики в середине XVI в. рассматривались в связи с этим как важнейшая предпосылка для формирования российского «фронтира».

В 80-90-е гг. XX в. изучение восточной политики России в аспекте теории «движущейся границы» продолжало оставаться важным направлением англо-американской историографии. При этом ее акценты все более смещались от изучения влияния границы на развитие российской государственности к исследованию восточной российской границы в XVI в. как места встречи и взаимодействия разных цивилизаций и культур.

В четвертом параграфе рассматривается изучение восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской историографии в контексте концепций происхождения российской государственности. Быстрый рост русистических исследований в странах Запада в 40-50-е гг. XX в. поставил на повестку дня в англо-американской историографии вопрос о месте России в мире. Основные направления англо-американских исследований в этой области можно определить как *Sonderweg*, то есть поиск особого пути развития России, отличного от европейского. Отражением этого поиска стало появление общеисторических теорий А. Тойнби и К. Виттфогеля, в рамках которых российская политическая традиция противопоставлялась западноевропейской и рассматривалась как византийская или монголо-татарская по своему происхождению.

Акцент на монголо-татарском и византийском наследии в политической истории России был развит применительно к XVI в. американскими историками, связанными с Русским центром в Гарвардском университете (Э. Кинан, Я. Пеленски, О. Прицак, Р. Пайпс, Д. Островски и др.). В их работах 60-80-х гг. XX в. восточная политика России в середине XVI в. рассматривалась в тесной связи с проблемой происхождения российской государственности. В отличие от англо-американских историков русской экспансии данные исследователи опирались преимущественно на анализ первоисточников. В методологическом плане они испытали влияние школы исторической антропологии, что выразилось в их акценте на выявлении особенностей изучаемой культуры и подходе к источнику как продукту культуры.

В результате, в работах данной группы историков был сделан вывод о двойственности восточной политики России в середине XVI в., обусловленной двойственностью самой российской политической традиции. С одной стороны ими был выдвинут тезис о принадлежности России XV-XVI вв. к системе государств-наследников Золотой Орды и ее причастности к татаро-монгольской политической культуре, что обусловило элементы прагматизма в российской восточной политике. С другой стороны, было отмечено византийское влияние на российскую внешнеполитическую теорию и практику, основным проводником которого служила православная церковь. Данное влияние обусловило присутствие в восточной политике России в середине XVI в. элементов национально-религиозной нетерпимости к мусульманским государствам Поволжья.

Одновременно в трудах этой группы историков, в частности, Я. Пеленски, был поставлен вопрос о роли российского завоевания Казанского и Астраханского ханств в процессе складывания России как государства имперского типа. Изучение российской восточной политики в середине XVI в. в данном аспекте вышло на первый план в англо-американской историографии в 90-е гг. XX в. в связи с ростом на Западе интереса к проблеме становления и специфики Российской империи и российской имперской политики в русле так называемых «постколониальных» исследований. Российское завоевание Казанского и Астраханского ханств расценивалось англо-американскими исследователями с

точки зрения формирования у России впервые в ее истории собственного «внутреннего Востока» и воспринималось как своего рода отправной момент в истории российской восточной политики и развития российского ориентализма.

В целом, центральным выводом Главы 1 является тезис о наличии в англо-американской историографии двух основных направлений, в рамках которых в рассматриваемый период затрагивались вопросы восточной политики России в середине XVI в. Первое направление представлено историками интерпретировавшими российскую восточную политику в середине XVI в. как одно из проявлений русской экспансии на восточном направлении. Акцент при этом делался на описании основных событий, связанных с завоеванием Казанского и Астраханского ханств Россией и его значении для дальнейшего продвижения русских на восток. Второе направление в исследовании российской восточной политики в середине XVI в. связано с изучением в англо-американской историографии проблемы возникновения и характера Российского государства XV-XVI вв. В данном случае основное внимание исследователей было направлено на связь между российской восточной политикой в середине XVI в. и представлениями русской светской и церковной элиты о месте и роли России в мире, а также на значение завоевания Казанского и Астраханского ханств в процессе формирования России как имперского государства.

Глава 2, «Конкретно-исторические вопросы восточной политики России в середине XVI в. в освещении англо-американской исторической науки», состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются позиции англо-американских историков по вопросу о факторах восточной политики России в середине XVI в. Проведенный анализ работ англо-американских авторов позволил сделать вывод о выдвижении ими нескольких факторов восточной политики Российского государства в середине XVI в. При этом позиция англо-американских исследователей по данному вопросу в значительной степени зависит от их теоретико-концептуального подхода к исследованию проблемы в целом. Англо-американскими исследователями, работающими в рамках концепции русской имперской экспансии, отмечается, что восточная политика в середине XVI в. была обу-

словлена экономическими интересами Российского государства, добивавшегося установления своего контроля над волжским торговым путем и районами пушного промысла, а также расширения за счет Поволжья фонда земель для испомещения служилых людей. В этом отношении движение России на восток в XVI в. сближается ими с происходившим в то же время процессом западноевропейской колонизации, вызванной Великими географическими открытиями.

В работах данной группы исследователей указывается также, что российская восточная политика в середине XVI в. была продиктована потребностями обороны границ государства от татарских набегов. В связи с этим она рассматривается англо-американскими историками как продолжение многовековой борьбы Руси с кочевниками степей Восточной Европы. Отмечается, что наряду с экспансионистскими устремлениями России в формировании ее политики на восточном направлении свою роль сыграл и оборонительный фактор.

Те англо-американские историки, которые рассматривают Россию XV-XVI вв. как одно из государств-преемников Золотой Орды, в свою очередь делают акцент на идеологическом измерении ее восточной политики. По их мнению, московские князья рассматривали себя в этот период в качестве наследников золотоордынских ханов. В связи с этим восточная политика Российского государства была предопределена прежде всего ходом его борьбы за восстановление экономического и геополитического единства «степи» под своей эгидой.

Вопрос о значении религиозного фактора в формировании восточной политики Российского государства в середине XVI в. не получил в англо-американской историографии однозначного решения. С одной стороны, в англо-американской исторической науке присутствует мнение (Э. Кинан), что религиозная разница двух сторон никак не отразилась на российской восточной политике. При этом обращается внимание на то, что прямые указания источников, свидетельствующие об обратном, представляют собой миф, созданный летописной традицией, и лишь искажают истинную картину российской восточной политики. С другой стороны, большинство англо-американских историков полагает, что религиозный фанатизм и стремление к экспансии православия на

восток, отраженные в источниках, сыграли важную роль в качестве движущих сил восточной политики Российского государства в середине XVI в.

Второй параграф посвящен взглядам англо-американских исследователей на проблему завоевания Казанского и Астраханского ханств Россией. Нами был сделан вывод о наличии в англо-американской историографии двух основных позиций по данной проблеме, которые отражают две разные модели русско-татарских отношений. Первая модель подчеркивает враждебность отношений русских и татар в XV-XVI вв., обусловленную наследием монголо-татарского ига и религиозной разницей двух сторон. Согласно этой модели отношения между татарскими ханствами и Россией были в целом враждебными, а территория Поволжья на протяжении рассматриваемого периода представляла собой объект русской экспансии. Первый шаг к установлению русского господства в Среднем и Нижнем Поволжье был сделан еще по меньшей мере в середине XV в. с основанием Касимовского ханства, к началу же XVI в. Казанское ханство уже представляло собой московский протекторат. Обострение в первой половине XVI в. борьбы с Крымом подтолкнуло Российского государства к проведению активной завоевательной политики на своих восточных рубежах. Таким образом, российское завоевание Казанского и Астраханского ханств стало закономерным результатом длительной политики экспансии на востоке.

Согласно второй модели отношения Российского государства и татарских ханств были основаны не только и не столько на религиозной и национальной вражде, сколько на прагматизме и взаимопонимании, обусловленном принадлежностью обеих сторон к одной политической культуре. Это отнюдь не исключало военных конфликтов между ними. Однако эти конфликты были вызваны преимущественно экономическим и политическим соперничеством государств-преемников Золотой Орды, главную роль среди которых с конца XV в. играли Москва и Крым. Распад московско-крымского союза в начале XVI в. привел к ожесточенной борьбе между московскими князьями и крымскими Гиреями за главенство на пространстве бывшей Золотой Орды, созданию теоретической базы, обосновывавшей претензии московских пра-

вителей, и, в конечном счете, к российскому завоеванию Казанского и Астраханского ханств в 50-е гг. XVI в.

В третьем параграфе анализируется освещение в англо-американской историографии начала становления России как многонационального государства имперского типа. С точки зрения англо-американской исторической науки, российское завоевание Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в., серьезно изменившее этническую и конфессиональную структуру населения России, ознаменовало собой начало ее превращения в многонациональное имперское государство. По мнению англо-американских исследователей об этом прежде всего свидетельствует начавшееся в середине XVI в. становление российской имперской идеологии, фундамент которой заложили исторические, династические, национальные и религиозные концепции, обосновывавшие присоединение Среднего и Нижнего Поволжья к России.

В то же время с середины XVI в. постепенно изменяется восточная политика Российского государства, которая приобретает ярко выраженный имперский характер. С этого времени на базе российской политики в Поволжье начинают формироваться те черты российской национальной и имперской политики, которые будут определять ее специфику в последующие столетия. К числу этих черт англо-американские историки относят большое значение государства и армии в управлении национальными окраинами, поощрение русской колонизации и опора на элиту подчиненных народов с последующей ее русификацией как краеугольный камень социальной политики, курс на христианизацию населения при сохранении в целом прагматичного подхода к религиозным вопросам. Выявляя эти черты в российской восточной политике в середине XVI в., англо-американские исследователи, однако, отмечают и ее преемственность с политикой, выработанной московскими князьями в ходе процесса «собираания русских земель». В результате в англо-американской историографии восточная политика Российского государства в середине XVI в. рассматривается как сложное явление, в котором наследие средневековья сочеталось с элементами национально-колониальной политики нового времени.

Таким образом, освещение конкретных вопросов восточной политики Российского государства в середине XVI в. находится в исследованиях англо-американских ученых на первом плане. При этом позиция тех или иных исследователей в отношении описания и оценки конкретных аспектов российской восточной политики в значительной степени зависит от их теоретико-концептуальных установок.

Отдельную группу составляют те ученые, которые рассматривают восточную политику в середине XVI в. как выражение имперского экспансионизма Российского государства. С их точки зрения в основе восточной политики лежала совокупность факторов: экономического, политического и идеологического. Эти факторы предопределили экспансионистские устремления России на востоке и враждебность отношений между Российским государством и татарскими ханствами, образовавшимися в процессе распада Золотой Орды, в частности Казанским и Астраханским.

Развитие отношений между ними на протяжении XV - первой половины XVI вв. рассматривается через призму постепенного усиления позиций Российского государства: из данника татар в середине XV в. оно сначала превратилось в сюзерена Казанского ханства, а затем ликвидировало Казанское и Астраханское ханства как независимые государственные образования. Завоевание поволжских ханств в этом случае понимается как закономерный и важный результат длительной русской экспансии на восток, непосредственный импульс к которому был дан обострением отношений Москвы и Крыма в начале XVI в. Итогом завоевания стало превращение России в имперское государство, а Поволжья - в первую российскую колонию. В связи с этим с середины XVI в. российская восточная политика приобретает черты колониальной.

Другая группа исследователей связывает российскую восточную политику в середине XVI в. с борьбой государств-преемников Золотой Орды, в качестве одного из которых рассматривается и Россия, за гегемонию в «степи». Решающими факторами восточной политики признаются в конечном счете политические представления московской правящей элиты, в которых претензии на унаследование власти золотоордынских ханов противоречиво сочетались с восприятием России как православ-

ной империи. Исходя из этого, данные англо-американские исследователи неоднозначно трактуют отношения российского государства с поволжскими ханствами, выделяя в них как прагматизм, так и национально-религиозное противостояние. Если до конца XV в. в этих отношениях в целом преобладал прагматизм, то с начала XVI в. в связи с выходом на первый план московско-крымских противоречий они все более приобретают характер национально-религиозного конфликта. Кульминацией в этом процессе стало завоевание Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в., ознаменовавшее собой победу Москвы в борьбе за объединение земель Золотой Орды.

После завоевания Казанского и Астраханского ханств российская восточная политика, как указывается, была направлена на интеграцию Поволжья в состав Российского государства и в общем следовала образцу, выработанному в ходе собирания русских земель. Ее результатом, с точки зрения англо-американских исследователей стало превращение региона в одну из территорий Российского государства, неотличимую по своему статусу от других вотчин, находящихся под властью московских царей.

В заключении подводятся итоги исследования. Анализ англо-американской историографии восточной политики России в середине XVI в. показал, она претерпела эволюцию на протяжении 40-90-х гг. XX в. и в основной своей части не представляет однородное и неподвижное явление, главной характеристикой которого выступает фальсификация истории. Структура англо-американской историографии достаточно сложна как с точки зрения теоретико-концептуальных подходов, так и с точки зрения освещения конкретно-исторических вопросов. Исследование восточной политики России в середине XVI в. в англо-американской историографии в рассматриваемый период происходило в рамках двух направлений. Теоретико-методологическую основу взглядов ученых первого направления составили концепции англо-американской геополитики, идейно-теоретическое наследие российской дореволюционной историографии, концепция «движущейся границы». Восточная политика России в середине XVI в. рассматривалась представителями этого направления как составная часть многовекового процесса русской территориальной экспансии.

Англо-американские исследователи второго направления интерпретировали российскую восточную политику в середине XVI в. исходя из представлений о России как неевропейском государстве, чья политическая традиция восходит к Византии и Золотой Орде. Восточная политика России в середине XVI в. рассматривалась ими в связи с этим как реализация претензий российских монархов на унаследование власти золотоордынских ханов и достижение статуса правителей православной империи, российское завоевание Казанского и Астраханского ханств - как отправной момент в процессе становления многонациональной Российской империи.

Отдельные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Петухов А.В. Причины присоединения Среднего Поволжья к России в современной историографии // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 9. - Чебоксары: Чуваш, гос. пед. университет им. И.Я. Яковлева, 2001. - Т. 1. - С.199-204.

2. Петухов А.В. Взаимоотношения Российского государства и Казанского ханства в оценках американского историка Э. Кинана // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 10. - Чебоксары: Чуваш, гос. пед. университет им. И.Я. Яковлева, 2001. - С.22-27.

3. Петухов А.В. Американский историк Я. Пеленски о присоединении Казанского ханства к России // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. - 2002. - №5. - С.143-147.

4. Петухов А.В. Предпосылки присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству в зарубежной историографии // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 11. - Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2002. - С.249-253.

5. Петухов А.В. Изучение восточной политики России XVI в. в контексте англо-американских концепций происхождения российской государственности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. - 2003. - №1. - С.81-86.